

Проккофьев Сергей
Великан

Недавно в истории русской музыки произошло событие! Музыковед и композитор Сергей Сапожников закончил партитуру «Великана» — девятой оперы Прокофьева. Впрочем, и самой первой.

Сколько опер написано Сергеем Прокофьевым? Вроде бы, известно — восемь. Юношеская романтическая «Маддалена», «Игрок» (по Достоевскому). Потом популярная «Любовь к трем апельсинам» по сказке Гоцци. Мистический, экспрессивный «Огненный ангел» (по Брюсову), «Семен Котко» (по В.К. атаеву), «Обручение в монастыре» (по Шеридану), «Война и мир» (версия эпического романа Толстого), «Повесть о настоящем человеке» (по военному рассказу Б. Полевого). Восемь опер — от сказочно-фантастических до вполне натуралистических по сюжету. И все-таки — девять. Девятая была сочинена в чисто мальчишеском девятилетнем возрасте и под явным влиянием тогдашнего репертуара Большого театра. О том, как рождалась опера, Прокофьев достаточно подробно вспоминал позже: «В Москве меня взяли в театр, на «Фауста». Мать дала несколько предварительных объяснений: «Понимаешь, жил-был Фауст, ученый. Он уже старик, а все читает книги. И вот приходит к нему черт и говорит: «Продай мне душу и тогда я сделаю тебя снова молодым» Ну, Фауст продал, черт сделал его молодым и вот они начинают веселиться...»

Я насторожился. Интересная перспектива: приходит черт — и начинают веселиться! Когда «они начали веселиться», я сразу узнал и вальс, и марш, которые слышал от матери в деревне. Мать оттого и выбрала «Фауста», что ей хотелось, чтобы я услышал знакомую музыку. Дуэль на шпагах и гибель Валентина произвели впечатление... Вероятно, много другого было еще впитано сознательно и бессознательно, ибо, вернувшись в гостиницу, я спрашивал у матери: «Ты то-то заметила? — Нет, не заметила. Или: На это обратила внимание? — Не обратила...»

А я обратил...»

Вторая опера, которую увидел юный Прокофьев, была «Князем Игорем». Посмотрел он в Боль-

шом театре и балет Чайковского «Спящая красавица». Работа художников, декорации, костюмы, замысловатые сюжеты, поединки, наконец, яркая музыка с запоминающимися мелодиями — все это произвело на будущего композитора глубокое впечатление. В конце концов появилась мысль и самому написать оперу. Действительно, почему нет, если другие пишут? О чем писать? О великане. Работа пошла и продвигалась весьма активно. Прокофьев вспоминает: «Когда в начале 1900 года я пришел к матери с рукописью, то сказал: «Мама, ты говорила, что я оперу не напишу, а я вот написал!» Мать изумилась, когда же я все это успел сделать? Затем заговорил скепсис: не стоит увлекаться, чтобы потом не разочаровываться. Но пошли к роялю — оказалось складно, даже занимательно. Правда, рукопись была написана не лучшим образом: на отдельных кусочках бумаги и ужасно грязно. Однако, у нашей Луизы (гувернантки) был хороший почерк. Луизу засадили за «Великана» и вскоре клавир (фортепианная версия) был каллиграфически переписан.»

Сам сюжет оперы создавался в разговорах-импровизациях с приятелями. Это была наивная история про страшного Великана и двух храбрых молодых людей (Один герой носил имя Сергеев — легко догадаться, что это был сам автор оперы) другой — Егоров (его товарищ Егорка). Оба они защищали от опасностей девицу Стеню (сестра Егорки, дружка Сергеи Прокофьева). Под стать сюжету была и музыка, записанная в виде двухручного клавир — по-детски непритязательная, но говорившая уже о живости и выдумке юного автора. Здесь был, например и задорный дуэт двух храбрецов, готовых сразиться с чудовищем («Ну, что ж — стрелять? Нет, погоди, ножи вынимать! Теперь стрелять!» Была забавная ария Великана, рассчитанная на устрашение публики (Прокофьев поставил здесь аж четыре форте!)

Летом 1901 года Сережа гостил у дядюшки в имении. Двоеродные братья недурно играли на фортепиано, кузина училась петь. Решено было поставить «Великана».

Прокофьев вспоминает в «Автобиографии»: «Кузен Андрей сел за рояль, изображая оркестр, я пел главную роль, кузина играла героиню, тетка надела охотничьи сапоги и изображала Великана. Я волновался до безумия. К вечеру выучили только первый акт. Загримировались, надели костюмы, публика уселась в зале, Андрей заиграл увертюру. Хотя я руководил репетициями и учил всех, но, очутившись на сцене, разволновался и запел чужую партию. «Врешь!» — прошипел кузен Шурик и перехватил свою фразу, после чего все пошло гладко. «Когда тебя будут давить на императорской сц-

не, — говорил дядюшка, очень довольный представлением, — помни, что первый раз твоя опера была исполнена у меня в доме...»

В наше время «Великан» был поставлен (несколько раз) Музыкальным театром театром Б. Покровского к 100-летию дате со дня рождения композитора, в апреле 1991 года. Активистом постановки был Сергей Сапожников, искусствовед и композитор, уже имевший довольно обширный опыт по реконструкции забытых или затерянных партитур («Трапезия» Прокофьева, «Золотой век» и «Болт» Шостаковича.)

С. САПОЖНИКОВ. Изучая биографию композитора я еще в 60-х годах обратил внимание, что у него есть практически нигде не звучавшая детская опера, о которой он говорит и пишет с с большим (хотя и чисто детским) энтузиазмом. Став взрос-

лым музыкантом, он снова и снова возвращался к этому произведению; чувствовалось, что оно ему безразлично — хотя он и понимал, конечно, что художественные достоинства «Великана» более чем скромные. Вместе с тем, Прокофьев отмечал в опере и некоторые маленькие открытия, что-то такое, что впоследствии вошло в его «серьезные» оперы. Произведение это я для себя тогда отметил, чтобы забыть о нем на некоторое время. И вспомнил лишь в канун прокофьевского юбилея 1991 года. Весь оперный Прокофьев давно уже поставлен... кроме «Великана». Но что ставить, что играть и петь? Сначала надо было, прому прощения, найти в архивах рукописи. Разумеется, я просмотрел все издания, хранившиеся в Союзе Композиторов. Там было к этому времени полное собрание сочинений Прокофьева, но «Великан», как опере детский, туда, конечно, не попал. Тогда я отправился в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства, где хранятся все рукописи Прокофьева, принадлежащие России — многие партитуры остались за рубежом). В ЦГАЛИ-то я и наткнулся, наконец, на искомое — «великановские» материалы. Во-первых, на 12 страниц клавир этой оперы, во-вторых на автограф детских сочинений Прокофьева, писанный рукой самого автора; на еще несколько фрагментов «Великана», также написанных его рукой. И еще на 12 эпизодов из оперы, приведенные в качестве нотных примеров в автобиографии композитора (глава «Детство»). Было еще достаточно подробное либретто. Разложив на столе всю эту мозаику, я увидел, что, как ни странно, опера вполне складывается. Не хватало всего нескольких звеньев, которые я восстановил, ничего не досочиняя, на основе уже имевшегося обильного материала (некоторые эпизоды я просто повторил, да еще в конце ввел модуляцию). Итак — соединение всех кусков клавир, дописка отсутствующих связок. Все это дало возможность получить полный клавир оперы. После чего, используя свой прежний издательский опыт (и за свой счет) я «наштамповал» клавир... Получив, правда, на все это разрешение наследников композитора — его сыновей Святослава и Олега.

— Сергей, а чем, на ваш взгляд, интересен «Великан»? Был ли смысл восстанавливать это сочинение?

С. САПОЖНИКОВ. Когда идет речь о таких гигантах русской музыки, как Прокофьев, интересно все. Видно, как композитор растет. Сначала наив, штампы, идущие от итальянской и французской оперы. Очень простой гармонический язык, элементарное трезвучие. Неумение соединить полифоническим путем несколько контрастных мелодических линий. Потом, буквально с каждым

эпизодом появляются маленькие открытия — гармония становится поинтересней, встречаются полифонические эпизоды. Безусловно, Прокофьеву с самых первых шагов его творчества было присуще драматическое чутье... И еще — чувство юмора. Вообще, произведение это очень живое, позволяющее малышам активно участвовать с развитием сюжета. В каком-то смысле слова «Великан» — это род мультипликационного мюзикла. Активная и веселая игра.

— Были ли еще постановки этой оперы?

С. САПОЖНИКОВ. Кажется, некоторые фрагменты поставила Н. Сац, используя нотные эпизоды, представленные в автобиографии композитора. Но если там были фрагменты, то я располагал полноценным клавиром. С ним я и пошел искать союзников — в театр Б.А. Покровского. И нашел. Ими оказались балетмейстер и второй режис-

сер театра Кисляров и хормейстер Лена Озерова — в театре она работала с группой детей, состав детской группы менялся, но человек 25 постоянных — были. Она взялась выучить с детьми ноты — и сделала это. Потом они вместе с Кисляровым пришли к Борису Александровичу «доложить», что дело сделано. Покровский принял в новой работе самое горячее участие. То-есть сам начал ставить спектакль. Придумал концепцию, что «дети играют в Прокофьева», в его оперу, его музыку. В результате получилось музыкальное представление, премьера которого приурочилась как раз к дню рождения композитора — 21 апреля 1991 года.

Премьера состоялась на сцене Инженерного корпуса только что отремонтированной к тому времени Третьяковской галереи. Замечательный зал, чудесная публика: тогда как раз была выставка живописи Серова и народ пришел прямо с Серова на Прокофьева. Потом Покровский перенес эту постановку к себе в театр, где она выдержала еще несколько представлений. А потом наступило лето, слушатели разсехалась на каникулы, да и в детской группе внутри театра произошли изменения. Постановка как бы «зависла», приостановилась.

Ну, а сейчас, пять лет спустя, пришло время, когда я смог выполнить обещание, данное еще родственникам композитора — написать партитуру. Прошлым летом я ее, наконец, завершил.

Сергей, даже глядя в прокофьевский клавир, переписанный гувернанткой Луизой, ощущаешь стилистику и ритмы «больших» романтических опер девятнадцатого века — Верди, Гуно, Чайковского. «Стандарт» их фактуры — бас-аккорд, бас-аккорд... Ум-па, ум-па... Целаром оркестр Верди шутники называли «большой гитарой»...

С. САПОЖНИКОВ. Да, Это фактура той музыки, что играла Сереже его мать. Правда, я думаю, что когда юный автор писал свои «ум-па» — он мыслил по-иному — громадным романтическим оркестром. Ну, а мы с Покровским договорились пойти совсем по иному пути. И использовать тот состав, который сам Прокофьев применил в «Пете и волке». Этот состав, как ни странно, очень точно «лег» на звучание «Великана».

— Где будет ставиться эта опера?

С.С. Ну, помимо Музыкального театра Б. Покровского, видимо — в Череповце. Там тоже есть детский музыкальный театр. А вообще-то мне кажется, что из «Великана» должен получиться отменный детский утренник в Большом театре! Особенно, если остроумно и ярко все это поставят...